

стр. 2 сентября 1983 года «НА СМЕНУ!»

Билет в Ясную Поляну

В карманной книжке я храню контрольный билет. На полоске серой бумаги отпечатано: «Ясная Поляна. Государственный орден Ленина музей-заповедник Льва Николаевича Толстого».

...Средняя Русь. Эти слова я теперь еще можно услышать. Иногда говорят и точнее, географически — «области Центральной России». Побывав в этих местах и без путеводителя, исторического справочника поймешь; именно здесь складывалась русская нация, ее характер.

Не раз приходилось слышать и такое: Тула — центр России. Москва остается Москвой, на то она и столица. А Тула — центр. Не утверждаю, так ли на самом деле. Но давайте поворочим память. Первое организованное восстание крестьян на Руси достигло наибольшего размаха в Туле. Здешний кремль и поныне хранит жуткие отметки затопления храброго войска Болотникова. Река, давшая название бессмертному роману Шолохова и сыгравшая немалую роль в судьбе России, робко начинает пульсировать под Тулой. На Московском вокзале в Туле я видел огромную шеренгу «Икарусов» с красными трафаретами на ветровых стеклах — «На поле Куликово» (к этому святому месту, особенно в последние годы, началось паломничество). Поле славных русских богатырей — тоже в Тульской области.

Не будем забывать и такие страницы нашей истории: родина знаменитой русской «трехлинейки» — Тула, от Петра Великого начинается боевая летопись города как арсенала государства Российского. Припомним еще. Учитель Пушкина замечательный поэт В. А. Жуковский — туляк.

Ну и тульское ожерелье, гордость земли русской — Ясная Поляна, Лев Толстой.

По здешним краям мне доводилось проезжать. Снежной зимой, увядающей осенью

трогает скромность, неброская краса исконно русских мест. Да только много ли увидишь из окна курьерского поезда?

...От Тулы — четырнадцатый километр. По современной автострате — сущий пустяк. Разноцветье бегущих машин, черная лента асфальта плавно поворачивает вправо, а на левом бортике дороги низко у земли огромный указатель на русском и английском языках — «Ясная Поляна».

Спускаюсь в ложбинку... и замер на минуту. Ни выдохнуть, ни шага шагнуть. Все явилось как из детства. Дурман луговых цветов, трава по пояс, гудят пчелы, шмели, и от того еще сильнее стучит в висках.

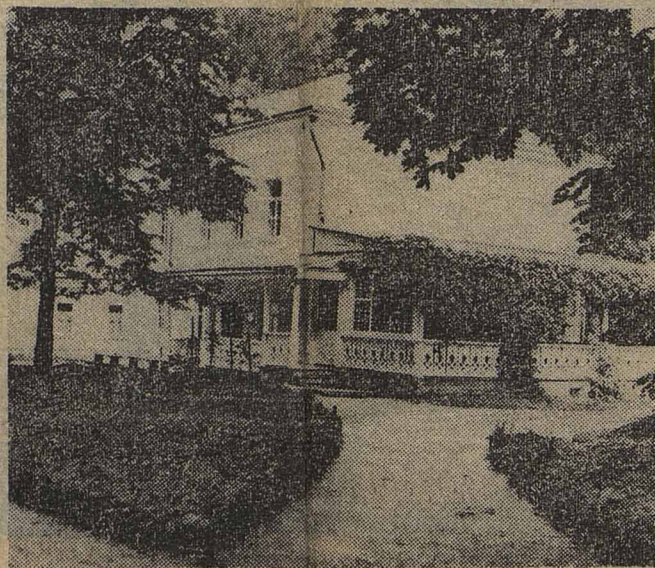
Попробуем провести такие параллели. Пушкин в основном жил в Петербурге, но для нас он все-таки ближе по Михайловскому, Тригорскому. Автор «Войны и мира», «Анны Карениной» немало прожил в московских Хамовниках, но Толстой для миллионов людей начинается с Ясной Поляны. Здесь он родился. Здесь 28 октября 1910 года в шестом часу утра Толстой тихонько постучал в окошко кучерской, разбудил кучера Андриана Петровича Елисеева. Велел ему запрячь лошадей, и гениальный старец навсегда покинул Ясную Поляну, без которой и жизни не мыслил своей.

Пушкина в лютый мороз друзья похоронили там, где и должно, — в Михайловском монастыре. Последний путь Толстого был также к его истоку, в Ясную Поляну, вот на этот берег крутого оврага, где когда-то была спрятана ставшая легендой зеленая палочка.

Петербургская квартира на Мойке, 12 не стала для Пушкина символом Отчизны, как для Толстого — дом в Хамовниках. А вот селцо Михайловское, псковские холмы и перелески, Ясная Поляна с Большим прудом, знаменитой аллеей «Прешпектом».

«Без своей Ясной Поляны я трудно могу себе представить

СВЯЩЕННЫЕ МЕСТА ОТЕЧЕСТВА

Россию и мое отношение к ней. Без Ясной Поляны я, может быть, яснее увижу общие законы, необходимые для моего Отечества, но я не буду до пристрастия любить его». Так писал Лев Николаевич еще в тридцать лет, в 1858 году. И природа для него — «лучший друг», «которого не потеряешь до смерти, а и умрешь, все в нее же уйдешь».

Стою неподалеку от могилы, опоясанной крохотными елочками. Их ветки пустили новые малахитовые иголки. Потрогал рукой, и ладоней коснулась их детская мягкость. Трудно найти скромнее этой могилы и невозможнее представить величие человека, похороненного здесь. За 82 года в его жизни были и цыгане, и кутежи, и карты, так что однажды едва не проиграл свою Ясную Поляну. Но были и точные слова одного из буржуазных идеологов А. С. Суворина о том, что «в России два царя — Николай II и Лев Толстой». Суворин при этом добавлял: «Кто же из них сильнее?»

Граф, отлученный от церкви, учил не только Россию, но весь мир. Причем небезуспешно.

Иду по извилистой дороге, минуя небольшой луг, усеянный цветами, выхожу к елочной аллее, «Елочки», как их называл Толстой, — последние насаждения, сделанные им вместе с женой Софьей Андреевной где-то в 1890—1895 годах. Еще несколько минут ходьбы по прямой, как линейка, аллее, и встречаешь любимую скамейку Толстого. Любопытно, что эта скамеечка в 1907 году сооружена из березовых жердей лично Софьей Андреевной. Женская работа, конечно, видна, но понимаешь, что Толстой любил на березовых жердях посидеть не только по этой причине. Елочки создают эффект полного одиночества. Отмечаешь для себя, что в тесноте за 80 лет ели вытянулись к свету, но не окрепли стволом. Да и только ли деревья так растут в подобных условиях?

В музее-усадьбе все несет

печать сокровенного. 400 гектаров заповедного леса, лугов, речка Воронка, Большой пруд — все это питало природными соками земли титана духа и мысли.

Лев Николаевич был великий труженик. Нам известно многое, что вышло из-под его пера. Но граф еще и шил сапоги, до старческих дней своих тренировал тело: ездил на коне верхом, любил велосипед. Он много косил, пахал, саял. Сам возил воду на лошади по кличке Крыса, учил крестьянских детей, разработал для них азбуку, посадил огромный сад, построил теплицу, пасеку...

В то же время — масса пометок в книгах, а их в доме Толстого более 20 тысяч. Его начитанности и памяти поражаются даже такие люди, как Чехов, Горький. Владение в совершенстве французским, немецким и английским, свободное чтение на испанском, итальянском, чешском, болгарском и польском. Гомера он читал в подлиннике, латинских авторов — тоже. В молодые годы изучил арабский язык, а в преклонном возрасте — древнееврейский. Как тут не вспомнить Горького: «Он похож на бога, не на Саваофа или олимпийца, а на этакое русское бога, который сидит на клевоном престоле под золотой липой, и хотя не очень величествен, но, может быть, хитрее всех других богов».

...Жаркий день отгорал. Но июньская духота все еще висела, даже над яснополянским прудом. Я собирался уже прощаться с усадьбой и пошел вдоль берега. На зеленой лужайке, подставив солнцу, закопченные животы, нежились ребятишки. Вдруг они, как козлята, взлетели над лужком и кувырком полетели в томную воду. Испуганно шархнувшись привязанный за деревянный кол теленок, звякнула боталом и запырала спутанными ногами лошадь с крохотным жеребенком.

Жизнь продолжалась.

В. СТАХЕЕВ.

На снимке: дом Л. Н. Толстого в Ясной Поляне.

Фото автора.

Ясная Поляна — Свердловск.